

ЕГОРОВА Людмила Петровна,

доктор филологических наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный университет
(Россия, Ставрополь)

УКРАИНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭНСКОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ Ю. СЛЕПУХИНА «ТЬМА В ПОЛДЕНЬ»

Аннотация: В статье анализируется вторая, после ставропольской, составляющая текста города Энска, воссозданного в «военной» тетралогии Юрия Слепухина. Рассматриваются биографические предпосылки и литературные традиции такого воссоздания, система образов, связанная с жизнью героев на оккупированной Украине. Будущий писатель пробыл здесь с конца декабря 1942 по ноябрь 1943. Выявляются общие черты в природных условиях и экономической жизни городов Ставрополя и Проскурова (ныне Хмельницкий). Показаны различия в изображении украинского колорита в романах «Перекресток» и «Тьма в полдень».

Реалии военной биографии города Энск соотносятся с историческими фактами из жизни города Проскурова, что подтверждается данными исторических источников.

Ключевые слова: города-прототипы, текст, тетралогия, ретроспекция, топонимы.

Annotation: The second, after Stavropol', component of the text of the city of Ensk, re-created in the military tetralogy of Yuri Slepukhin, is analyzed in the article. The biographical background and literary tradition of this re-creation as well as the image system associated with the heroes' lives in the occupied Ukraine are discussed. The forthcoming writer stayed here from the end of December 1942 to November 1943. Common features in the natural conditions and economic life of the cities of Stavropol' and Proskurov (now Khmel'nitsky) are revealed. Certain differences in the representation of the Ukrainian color in the novels 'Crossroads' and 'Darkness at noon' are uncovered, too.

Keywords: cities-prototypes, text, tetralogy, retrospection, place names.

В предыдущих статьях, посвященных исследованию творчества Ю. Г. Слепухина, мы показали важную сюжетно-композиционную роль ставропольского текста в первом романе «военной» тетралогии писателя — «Перекресток» — значимость ставропольских мотивов в последующих романах: «Тьма в полдень» и «Ничего кроме надежды»¹. Ставропольский текст в изображении города Энска, главного «героя» тетралогии Ю. Г. Слепухина, позволил конкретизировать некоторые важные характеристики вымышленного писателем российско-украинского города. Автор отталкивался от традиционного употребления литеры «N» в случаях сокрытия подлинного названия города или местечка, но название «Энск» под его пером обрело живую, а не условный смысл и естественность. Этот вымышленный город стал данью памяти и любви к Ставрополю, в котором прошли отрочество и ранняя юность писателя. Но это — не единственная составляющая энского текста: наряду с нею, важнейшую роль в тетралогии играют украинские мотивы и образы. Создание художественно-целостного, *синтезированного* образа города, местности, народа встречалось в литературе, особенно романтической направленности, и раньше. Вспомним романы: «Крушение республики Итль» (1925) Бориса Лавренева, органично объединившего события Гражданской войны в Закавказье и Крыму, «Горы и люди» (1939–1947) Юрия Либединского, впоследствии переросший в трилогию о путях в революцию разных народов Северного Кавказа. Так, уже на ином материале, поступил и Ю. Г. Слепухин, создавая вымышленный, в реальности разделенный географическими координатами российско-украинский город Энск. Такой неожиданный, на первый взгляд, синтез диктовался биографией писателя: в Ставрополе (тогда в Ворошиловске) он провел годы 1937–1942, а вторая часть — украинская составляющая энского текста, предмет данной статьи, обусловлена семейными воспоминаниями и пребыванием самого Ю. Г. Слепухина (тогда Кочеткова) на Украине в 1943.

¹ Егорова Л. П. 1) Ставрополь Юрия Слепухина // Ставропольский хронограф на 2016 год: краевед. сб. Ставрополь, 2016. С. 195–202; 2) Ставропольский текст в военной тетралогии Юрия Слепухина // Зарубежная Россия. XX век: Слепухинские чтения–2016: тр. Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина; Ладога, 2018. С. 121–144.

Что касается семейных воспоминаний, то их оставила сестра писателя Ирина Григорьевна Слепухина. Их бабушка со стороны матери — Елена Марьяновна Рудковская, полька из богатой семьи, имевшей процветающее имение недалеко от Западной Украины. Уже перед Первой мировой войной её отцу было пожаловано дворянство², так что Рудковские принадлежали к польской шляхте. Избранником Елены Рудковской стал украинец Иван Беденко, управляющий в имении князей Барятинских. И хотя пан Рудковский, спесивый, по определению его правнучки, противился браку своей дочери с Беденко, последний добился своего, не без помощи умеющей настоять на своём Елены Марьяновны. И. Г. Слепухина писала: «Бабушка прекрасно играла на фортепиано, дед — на скрипке <...> Все свободное время дед посвящал детям (их было четверо, младшая, Валентина, и стала матерью Юрия Григорьевича — Л. Е.), привил им любовь к литературе. Одною из мер воспитания было обязательное семейное чтение: каждый вечер он собирал всю семью в гостиной и читал им вслух, а читал он, как вспоминала мама (писателя — Л. Е.), прекрасно»³. Чтения и музицирования любили все дети, но особенно младшая, Валентина. Она, по свидетельству дочери, была человеком творческим, хорошо пела, рисовала, писала стихи и не случайно впоследствии стала главной советчицей сына-писателя. Гражданская война помешала ей окончить гимназию, но она оставалась «неисправимой идеалисткой и мечтательницей с романтическим представлением о чести и рыцарском отношении к женщине. Кстати, это многое объясняет в характере и творчестве Юрия Григорьевича — она передала свое мироощущение сыну»⁴. Не приходится говорить, что будущий писатель вырос в атмосфере проникновенных воспоминаний матери Валентины Ивановны и бабушки Елены Марьяновны об Украине (с бабушкой Юрий расстался только в 16 лет). Поэзию Украины, её природу и искусства будущий писатель воспринял, как говорится, с молоком матери, в семейной атмосфере. Это позволило

² Слепухина И. Г. Воспоминания о брате // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сб. ст. и материалов. СПб.: Фонд Слепухина; Ладога, 2012. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 14–15.

ему в будущем преодолевать чувство ужаса, рожденного войной и чудовищными разрушениями на украинской земле.

Личные впечатления от Украины Юрий Григорьевич Слепухин получил в 1943. В семье Кочетковых было трое репрессированных, и пребывание в оккупации с 3 августа 1942 грозило ей новыми лишениями; она покинула Ставрополь в самом конце декабря 1942, о чём опять-таки вспоминала сестра писателя: «Стоял уже декабрь, и морозы были ужасные <...>. Бескрайние снежные просторы и свирепая стужа. Меня с мамой посадили в кабину грузовика. А отец с братом и Галиной (дочерью репрессированной тети — Л. Е.) мерзли наверху в открытой полуторке», а главное, военная «опасность стергла со всех сторон»⁵. Можно предположить, что уезжая из Ставрополя в декабре 1942, Г. П. Кочетков и не думал покидать СССР: ведь в то же самое время, на ставропольском железнодорожном вокзале формировался состав, и немцы брали всех желающих уехать в Германию, но отец Юрия предпочел тяжелый и опасный путь на старом открытом грузовике. Очевидно, Г. П. Кочеткову важно было уехать именно из Ставрополя и затеряться где-то на Украине — на родине его жены, затеряться, как когда-то в начале 1920-х они с двоюродным братом Иваном стремились уехать подальше от своей родной зажиточной донской станицы⁶.

В воспоминаниях самого Юрия Слепухина — в статье «Флоренция на Эльбе» — говорится о мрачном, темном ноябрьском дне 1943, когда их из Винницы вместе с другими, угнанными немцами украинскими гражданами, вывезли в Германию как остарбайтеров «в запертом товарном вагоне, люки-окошки которого были заплетены колючей проволокой»⁷.

Итак, сопоставим две даты: декабрь 1942 (воспоминания И. Г. Слепухиной) и ноябрь 1943 (воспоминания Ю. Г. Слепухина). В сознании ставропольцев различие этих двух дат самоочевидно: Ставрополь был освобожден от гитлеровцев в ночь на 21 января 1943. Однако в сознании пишущих в наши дни об отъезде Кочетковых в Германию,

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Слепухин В. И. Родная душа // Там же. С. 93.

⁷ Слепухин Ю. Флоренция на Эльбе // Там же. С. 424.

но не знающих историю Ставрополя, эти две даты как-то объединяются, создается впечатление, что это из Ставрополя, семья будущего писателя и он сам были угнаны в Германию. (Задержка с формированием эшелона, о котором упоминает И. Г. Слепухина, не могла продолжаться почти год.) Сведения об этом периоде способствуют более точной интерпретации украинского текста в военной тетралогии писателя, и мы признательны Н. А. Слепухиной, сообщившей нам, что в указанный «почти год», кроме дорожных впечатлений, окрашенных ужасом войны и разрушений, будущий писатель вобрал в себя опыт жизни в городе Проскурове (с 1954 — г. Хмельницкий, центр одноименной области). Отсюда настойчивое стремление писателя соединить в обобщенном образе города Энска дорогие ему черты Ставрополя и Украины, городов Ставрополя и Проскурова.

Думается, что органичности художественного синтеза образа двух городов — российского Ставрополя и украинского Проскурова — способствовали обнаруженные писателем их общие черты: и величина небольших административных центров, и время их вступления в историческую жизнь в составе России. Губернский Ставрополь ведет свое начало от крепости, построенной в 1777: Плоскиров (изначально — Плоскиривцы), упоминавшийся ещё в XV в., вошел в состав России под названием Проскуров в 1795 г. как уездный город. Города расположены в близких по широте географических координатах (45-я и, примерно, 49-я параллели), в умеренно-континентальном климате, на возвышенностях — Ставропольской и Подольской. Проскуровские места на возвышенности представляют самую пересеченную местность, ее поверхность расчлениают многочисленные глубокие овраги, иногда большой протяженности; ложбины (овраги узкие и неглубокие), долины небольших речек, лощины (долины с пологими склонами), так что ландшафты Проскурова напоминали Юрию Григорьевичу рельеф Ставрополя. Общей была и аграрная составляющая экономики городов.

Украинское начало в энском тексте тетралогии проявляется неравномерно. В первом романе «Перекресток» оно не выходит за рамки обычных, знакомых почти каждому русскому человеку фактов. В «Перекрестке» украинских реалий не очень много, они лишь

дополняют ставропольские: бульвар носит имя Котовского, Татьяна идет к Земцевым по улице Коцюбинского. (Упоминание среди ставропольских городских топонимов имени Коцюбинского могло быть навеяно мемориалом Коцюбинского в Виннице, где долго формировался эшелон с острабайтерами, увозившей семью Кочетковых в Германию. Украинские реалии связаны и с трудностями тринадцатилетней москвички Тани Николаевой, шокирующей учителя по украинскому языку своим чтением Тараса Шевченко. Нельзя не вспомнить о каком-то «домашнем» упоминании имени Махно в упреках Сергея Володе Глушко по поводу его анархизма: «По Махно соскучился?»⁸. Людмиле Земцевой «Все в родном городе казалось <...> чудесным»⁹, и на первом месте называется мягкое украинское произношение горожан. (Но характерное украинское просторечие в устах героев, типа «просто нема с чего гопака плясать»¹⁰, появится только в романе «Тьма в полдень»). Стремление повествователя охватить взглядом панораму родной страны, конечно, заставляет вспомнить и то, как «переливая в себе лунный свет, струится старый Днепр»¹¹.

Украинское начало «Перекрестка» проявляется и в любви Сергея Дежнева к гоголевскому «Тарасу Бульбе»¹², к соответствующим строкам «Думы про Опанаса» Эдуарда Багрицкого. По просьбе Тани Сергей выделяет особенно нравящиеся строки «Думы», предваряющие появление легендарного комбрига Григория Котовского: «Где широкая дорога, вольный плес днестровский», описание боя-поединка Котовского с Опанасом¹³. И, конечно, повествователь рассчитывает на память читателя, даже не приводя особенно волнующие рефрены:

---

⁸ Слепухин Ю. Перекресток // Он же. Избранное: [в 5 т.]. СПб.: Ладога; Фонд Слепухина, 2005–2011. Т. 1. С. 168.

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰ Он же. Тьма в полдень // Там же. С. 791.

¹¹ Он же. Перекресток. С. 270.

¹² Там же. С. 172.

¹³ Там же. С. 101.

Украина! Мать родная!
Молодое жито <...>,
Тополей седая стая,
Воздух тополиный.
Украина, мать родная,
Песня-Украина!..

Но отзвук этого рефрена прозвучит в конце второго романа тетралогии — «Тьма в полдень», в момент героической гибели Володи Глушко¹⁴.

Приметой стиля Ю. Слепухина, создающего обобщенный образ российско-украинского города Энска, становится настойчивое следование топонимике двух городов. Так, часто повторяющееся в тетралогии неожиданное для ставропольцев название главного проспекта города Энска, казалось бы, должно ассоциироваться со Ставрополем. До революции проспект назывался Николаевским, позже улицей Красной, проспектом Сталина, ныне — Карла Маркса; однако в тетралогии он носит имя Фрунзе, тогда как улица Фрунзе в Ставрополе всегда была и есть достаточно периферийная. Выяснилось, что для писателя проспект Фрунзе, скорее всего, соотносится уже с городом Проскуровым, где улица Фрунзе была главной. Важным при сравнении Ставрополя и Проскурова, при выявлении генезиса тетралогии оказывается не только общее, но и различное. В Проскурове не было вузов, но — гораздо больше промышленных предприятий, чем в довоенном Ставрополе (как известно, в ходе индустриализации СССР Проскуров в 1930-е годы стал промышленным центром, и это ощутимо даже в описании Энска в «Перекрестке»). Самое существенное различие — то, что Проскуров был захвачен гитлеровцами 8 июля 1941, Ставрополь — 3 августа 1942. Так что оккупация в Проскурове началась на год раньше, чем в Ставрополе.

Во второй книге тетралогии «Тьма в полдень», посвященной жизни оккупированного Энска, город в основном раскрывается именно в этом аспекте своей второй составляющей — украинской. Роман начинается картиной чудовищной бомбежки Энска, почти стершей его с лица земли. Издалека был виден: «гигантский столб черного дыма, пронизанного медленно клубящимся багровым пламенем. И тень

¹⁴ Слепухин Ю. Тьма в полдень. С. 934.

от него уже перечеркнула обреченный город»¹⁵. Украинские мотивы здесь основа авторской художественной концепции, воплощающий пафос защиты Родины от несущих смерть и разрушение захватчиков. Неожиданный оксюморон в названии романа раскрывает основной смысл произведения. Превращение света во тьму — главное орудие гитлеровского тоталитарного режима, по выражению исследователя романа В. М. Акимова, автора статьи, заключающей публикацию тетралогии. Об оксюмороне в титуле романа писали и ставропольские студенты-филологи¹⁶.

«Как стало возможным, что его, украинца, немец гонит по украинской земле»¹⁷ — это крик души Володи Глушко. Вместе с ним, рисуя картину отступления 1941, глубоко скорбит и автор-повествователь. Несмотря на неторопливый ритм движения войск, автор и герои не могли «избавиться от совершенно четкого ощущения беды, большой и общей, касающейся решительно всех»¹⁸. Небольшие группы красноармейцев, отбившихся от своих частей, потерявших связь, оставшихся без боеприпасов, «шли наугад, пробирались балками и буераками, надеясь выйти к своим; но рано или поздно для каждой такой группы приходил час последнего боя — до последнего патрона, до последней сбереженной гранаты, — и потом для выживших начинался плен»¹⁹. Володя, все время искавший дорогу к Красной армии, впервые столкнулся с «нечеловеческим спокойствием, деловитым и методичным, с каким немцы истребляли пленных»²⁰. Самая горькая его мысль не о брошенной вдоль дорог, полуразбитой, до конца неиспользованной технике, а о том, что «людей уже не воскресишь, не поднимешь. Никогда не встанут те, чью кровь жадно и бережно до

---

¹⁵ Там же. С. 437.

¹⁶ См.: *Навасартова А.* Фактографичность как основной художественный прием в романе «Тьма в полдень» // *Поэтика романов Юрия Слепухина: сб. науч. ст. / под ред. О. К. Страшковой.* Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. С. 70–75; *Величко Е.* Путь от тьмы к свету в романе Ю. Г. Слепухина «Тьма в полдень» // Там же. С. 83–89.

¹⁷ *Слепухин Ю.* Тьма в полдень. С. 468.

¹⁸ Там же. С. 444.

¹⁹ Там же. С. 519.

²⁰ Там же. С. 525.

последней капли выпила в то лето зачугуневшая от зноя и горя украинская земля»²¹. И если для москвички Татьяны подчас невыносим «капкан этих украинских степей, вытоптанных, искромсанных бомбами, черных от горя и пожаров»²², то зачугуневшая от зноя и горя украинская земля — главное, с чем прощаются голосистые девчата-украинки, угоняемые на неметчину (их участь разделила и Людмила Земцева). Они прощались с ней песнями «Ой, не свиты мисяченьку», «Як була я маленька»²³.

Разумеется, полюбившиеся читателям «Перекрестка» ставропольские реалии, особенно играющие роль лейтмотивов: сад на Пушкинской, городской бульвар, архиерейские пруды, а также, юго-восточная часть города с Ипатовским переулком и гулиевским яром, просматриваются и во второй книге, но сейчас они, прежде несущие в себе радость жизни, теперь буквально вопиют о чудовищной раздвоенности сознания героев: «Это была какая-то странная, нереальная и словно придуманная жизнь»²⁴. Прославленные клумбы душистого табака в саду на Пушкинской, сильный и пряный аромат раскрывшихся к ночи цветов, встретивший идущую к Земцовой Татьяну по возвращении с оборонных работ, лишь подчеркнул «странное чувство раздвоенности окружающего», которое не покидало Татьяну с первых дней войны. Это чувство лишь убеждало, что «места для радости в её мире уже не было»²⁵. Теперь мир оставшихся одних девушек заполнил ужас бомбёжек²⁶; тяжело переживались появление оккупантов²⁷, необходимость менять вещи на продукты и приспосабливаться к «новому порядку», пребывание на страшных улицах, среди раскаленных развалин, пахнущих смертью и разрушениями. Как видим, воспоминания о прошлом уже подчиняются реальности оккупированного города, невольным судьбам действу-

²¹ Слепухин Ю. Тьма в полдень. С. 529.

²² Там же. С. 477.

²³ Там же. С. 560.

²⁴ Там же. С. 581.

²⁵ Там же. С. 455.

²⁶ Там же. С. 457–460.

²⁷ Там же. С. 511.

ющих лиц, связанных с молодежным подпольем, — Володи Глушко, Татьяны Николаевой, героев, угнанных в Германию как остарбайтеров — опять же Татьяны, а ранее и её подруги Людмилы Земцевой. Застигнутых оккупацией героев тетралогии преследует утрата Дома: Татьяна вынуждена покинуть пострадавшую при бомбёжке квартиру в Доме комсостава, «зиявшем рваными дырами оконных проемов»²⁸. Володя Глушко вместо отчего дома на хорошо узнаваемой ставропольцами улице Подгорной, любовно выписанной в первом романе, находит... воронку, поглотившую его самых близких людей — мать, сестру — девочку двенадцати лет и шестилетнего брата:

«Он стоял на краю воронки, ничего не испытывая. Бывают известия, которые не воспринимаются сразу. Понимать и чувствовать начинаешь только потом — постепенно, медленно-медленно. Вроде как когда возвращается чувствительность после местного обезболивания. Кроме того, есть вещи, в которые вообще трудно поверить до конца.

Он стоял на краю воронки, <...> Это называется — человек вернулся домой. Нет, просто не верится... чтобы так, сразу, чуть ли не первой бомбой...»²⁹. Теперь Глушко одержим только одним чувством, чувством мести, приведшим его в молодежное подполье, а позже — к подвигу-смерти. Страницы о подпольной деятельности молодежи в романе Слепухина соответствуют тому, что в Проскурове с первых дней оккупации и до последних действовала антинацистская подпольная организация.

Украинские реалии художественно активизировались по личным впечатлениям писателя, полученным на Украине. Так, героиню тетралогии Татьяну угнали в Германию с ее товарками по несчастью (хотя для Татьяны это было и счастьем, позволившим избежать застенков гестапо) *в таком же товарном вагоне*, в каком уезжал из СССР и сам Слепухин. Писатель наделил Татьяну своим горьким чувством прощания с Родиной: «... Быстрее и быстрее катились мимо разрушенных привокзальных построек наглухо запертые вагоны — тысячетонный груз человеческого горя, унижения, ненависти и отчаянья. В неверном свете начинающегося дня уплывали назад развалины...

²⁸ Там же. С. 547.

²⁹ Там же. С. 544.

<...> Уплывали затаившиеся улицы окраин, пустые, повисшие пластами взорванных перекрытий коробки цехов, холодные заводские трубы. Уплывал город — истерзанный, оскверненный чужими знаменами, сапогами и приказами, город ненавидящий, город, живущий со стиснутыми зубами»³⁰.

Еще ранее с Украиной прощалась Людмила Земцева, которую немецкая теплушка тоже увозила в неметчину: «Потом, целую неделю, мимо открытой двери теплушки под похоронный перестук колес не удержи́мо и для многих невозвратно уходила на восток Украина <...> Безостановочно и не удержи́мо уходила на восток родная земля, и, словно стремясь ее догнать, с ревом и грохотом неслись навстречу немецкие составы...»³¹. В романе о сражающейся Украине рождались уже новые, в сравнении с «Перекрестком» лейтмотивы — лейтмотивы страдания украинской степи: «...кругом на сотни километров лежала степь — вытопанные, сожженные и полегшие хлеба, курганы, горький полынный ветер над седыми волнами ковыля да тучи пыли на шляхах, по которым в дыму и грохоте катилась на восток железная лавина нашествия»³².

Значительное место в романе «Тьма в полдень» занимают картины разрушенного города Энска, что обусловлено именно украинской его составляющей, а не ставропольской. Нам помнится беседа со ставропольцем, приехавшим в Ставрополь с женой из Белоруссии через несколько лет по окончании войны. Они прошли пешком от железнодорожного вокзала по проспекту Сталина, по улице Пушкинской (до улицы Лермонтова), удивляясь: «Неужели здесь была война?!» — настолько разителен был контраст между увиденным здесь и в Белоруссии, в западных русских областях (и в Украине, добавим мы). Разумеется, разрушения были и в Ставрополе, о чем помнится и автору данной статьи, например, взметнувшееся в ночи пламя над школой № 8, кстати, в непосредственной близости к хорошо знакомому Слепухину зданию крайзо. И это, конечно, не единственные примеры. И другие дома подлежали восстановлению после освобождения.

³⁰ Слепухин Ю. Тьма в полдень. С. 938.

³¹ Там же. С. 556–557.

³² Там же. С. 519.

дения Ставрополя от оккупантов, но здесь речь не идет о тех глобальных разрушениях, которым подвергся город Энск. В Ставрополе не было снесенных с земли целых кварталов, мертвых улиц. В романе «Тьма в полдень», где жизнь города, как мы уже говорили в предыдущей публикации³³, сознательно приближена автором не к Ставрополю, а к судьбе других, переживших оккупацию городов страны; автор делает акцент на картинах разрушения. Город Энск в тетралогии Слепухина превращен в сплошные развалины³⁴. Эти реалии соотносимы уже с городом Проскуровым, где, как известно, за годы войны было разрушено *почти все*, что создавалось и строилось в предыдущие годы.

«Как разбит центр, это же что-то потрясающее, — горько думает Володя Глушко — <...> Движения здесь почти не было, — немцы предпочитали ездить по другим улицам, более просторным и менее загроможденным развалинами»³⁵. Фраза «центр города лежал в развалинах» повторяется и в связи с восприятием других героев, например, Алексея Кривошеина, нашедшего в себе силы для восстановления подпольного комитета, погибшего почти в полном составе под развалинами энского обкома КП(б)У. Сам Кривошеин героически погиб только в июле 1943. Осознание этого страшного для Алексея факта происходит на фоне разрушенного города, который как «областной центр перестал существовать», и в его описании сливаются тяжелейшие раздумья повествователя и героя: «Центр города лежал в развалинах, удушливо пахнувший гарью ветер крутил по улицам черные рои пепла»³⁶. О чудовищных разрушениях в Энске знает даже сражающийся на фронте Сергей Дежнев: «Энск сдали совершенно разрушенным»³⁷.

Но наиболее подробно страшные развалины Энска показаны в связи с образом Татьяны Николаевой: «Она шла по мертвой улице.

---

³³ Егорова Л. П. Недописанная страница «Истории литературы Ставрополья» (Юрий Слепухин) // Поэтика романов Юрия Слепухина... С. 27.

³⁴ Слепухин Ю. Тьма в полдень. С. 548.

³⁵ Там же. С. 548.

³⁶ Там же. С. 592.

³⁷ Там же. С. 623.

Эту часть города, наиболее пострадавшую от бомб, покинули даже те, чьи жилища случайно уцелели <...> Никому в городе не было известно точное число жертв 12 августа, но все знали, что больше всего их было во Фрунзенском районе, в сметенных с лица земли кварталах между бульваром Котовского и проспектом Сталина (в ставропольском тексте «Перекрестка» такого района вообще не существовало: бульвар тянулся по центру проспекта. — Л. Е.). Много подвалов, ставших в то утро импровизированными бомбоубежищами, так и осталось нераскопанными; всю осень, вплоть до первых заморозков в конце октября, из-под развалин сочилось тяжкое густое зловоние...»³⁸.

К украинским реалиям можно отнести и картины насилия в романе: массовые казни мирных жителей в Проскурове — факт исторически достоверный, и он получил отражение в тетралогии. «Без облав и обысков не проходило дня, уличные облавы производились в разных районах города и в разные часы дня — то утром, то к вечеру; всякого прохожего, у которого бумаги оказывались хоть немного не в порядке, тут же грубо обыскивали и пинками гнали к стоявшему рядом крытому грузовику, — говорит повествователь, фиксируя наблюдения Татьяны. — А домашние обыски делались по ночам: оцепляли целый квартал и вламывались в квартиру за квартирой <...> Жизнь в городе замерла»³⁹. Картины публичных казней в романе «Тьма в полдень» поражают своим натурализмом и жестокостью. Заподозренный в нападении на немецких солдат слесарь, разряжавший собранные патроны и делавший из гильз зажигалки, «висел тихий и неестественно вытянувшийся, с огромными мосластыми ступнями, торчащими из ватных брюк <...> Он висел с задумчиво опущенной головой, почти опираясь в грудь подбородком»⁴⁰. Татьяна видела, как вели на площадь очередного смертника: «Зрелище было страшным, ничего страшнее она не видела за всю свою жизнь, чем этот человек с изуродованным от побоев лицом, слепо и неуверенно ступающий по снегу босыми ногами <...>. [Таня] смотрела не от-

³⁸ Слепухин Ю. Тьма в полдень. С. 708–709.

³⁹ Там же. С. 838–839.

⁴⁰ Там же. С. 838.

рываясь, с каким-то болезненным и страшным любопытством, со странным ощущением общности судьбы, связывающей её с этим человеком»⁴¹.

Таким образом, в композиционных решениях автора романа акцент приходится на картины разрушения и насилия, что позволило историку Б. Н. Ковалеву сделать вывод: «Поразительно, что Юрий Слепухин практически словно цитирует документы, которые тогда ему были недоступны. Нужно было обладать феноменальной памятью, писательским чутьем, а также честной гражданской позицией, чтобы в конце 60-х гг. прошлого века дать всестороннюю характеристику нацистского оккупационного режима в нашей стране»⁴².

Однако не стоит забывать, что писатель не стремился к точному совпадению описаний своего вымышленного города Энска с реалиями города Проскурова. Так же он поступал и со ставропольским текстом тетралогии, убирая наиболее специфические черты облика города. Например, при точном описании юго-восточной окраины Ставрополя он не упоминает гулиевскую мельницу, используя указанные определения только для яра, хотя, насколько нам известно, так его никогда не называли. Так поступал он и с проскуровским текстом, начиная с даты оккупации города, которая наступила, как написано в романе, 20 августа 1941, а не 8 июля, как это было в действительности. Раскрывая страшную участь советских военнопленных через переживания Володи Глушко⁴³ писатель не говорит об исторически-достоверных лагерях центрального шталага № 355, расположенных в предместьях Проскурова — Раково, Гречаны, по улице Каменецкой на территории бывшего военкомата (есть только упоминание, уже в связи с Татьяной, об обнесенных колючей проволокой бараках и пулеметных вышках охранников⁴⁴, очевидно свидетельствующих о наличии лагерей), а также в других городах об-

⁴¹ Там же. С. 840.

⁴² Ковалев Б. Н. Сравнительный анализ описания нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по архивным источникам и по роману Юрия Слепухина «Тьма в полдень» (1968) // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество... С. 300.

⁴³ Слепухин Ю. Тьма в полдень. С. 522–525.

⁴⁴ Там же. С. 938.

ласти: Каменец-Подольске, Староконстантинове, Шепетовке. Володя Глушко видит (потом — не раз и не два), как конвоир «спокойно и деловито пристрелил упавшего человека. Гораздо спокойнее, чем пристреливают больную собаку или лошадь <...> Спокойно и деловито убили человека и пошли дальше; без ужаса, без угрызений совести в непоколебимом сознании своей собственной правоты — не безнаказанности, а именно правоты»⁴⁵. И видит он это в Песчанокопском лагере, находящемся, судя по карте, даже не на Украине, а под Ростовом, что подчеркивает тем самым трагически-огромный масштаб народных бедствий.

Поражает своеобразие города Энска как художественного феномена, вписанного в реальное пространство Украины. Чтобы подчеркнуть художественную обобщенность образа вымышленного города, отграничить его от реально существующих, автор специально дистанцируется от городов-прототипов, изредка называя их подлинными именами. Так, жительница оккупированного Энска Людмила Земцева записывает в дневнике о взятии немцами Ворошиловска (Ставрополя). Неоднократны и упоминания в романе города Проскурова. «Они стояли в Проскурове до самого вечера»⁴⁶ — так вспоминает Людмила свой угон в Германию. Сергей Дежнев, уезжая от матери из Тулы, слышит в вагоне разговор случайных попутчиков, один из которых упомянул Проскуров: «Мы уже с Проскурова на Жмеринку уходили, а после Умань, Кривой Рог, Запорожье, — только на Днепре и очухались». Повествователь в дальнейшие размышления Сергея по этому поводу вкладывает уточняющую мысль: «Если он отступал через Умань на Запорожье, то мог проходить и через Энск. Расспросить бы его, как там было»⁴⁷.

Рассказывая об Энке, писатель вновь и вновь вписывает его в окружающее город географическое пространство. Перед оккупацией герои романа участвовали в оборонных работах: две недели копали противотанковые рвы между Калиновкой и Белой Криницей⁴⁸ в 40

⁴⁵ Слепухин Ю. Тьма в полдень. С. 524–525.

⁴⁶ Там же. С. 559.

⁴⁷ Там же. С. 623.

⁴⁸ Там же. С. 441.

километрах от Энска. Потом рыли окопы под хутором Семихаткой. Их беспокоит, что между Куприяновкой и Семихаткой нет никаких заслонов⁴⁹ и дорога на Энск становится открыта. И пусть на карте вблизи Проскурова таких названий нет, но они — подлинные и часто встречающиеся на Украине; они воссоздают сам «воздух» географического пространства, вымышленного города.

Вымышленный Энск по воле автора попадает даже в, казалось бы, документальные, лирико-публицистические отступления о реальных боевых операциях, с подробным объяснением причин и следствий происходящего с точки зрения воинской науки: «Неожиданно легким захватом *Энска* ознаменовался значительный успех, достигнутый немцами во второй половине августа на стыке двух наших фронтов — Южного и Юго-Западного. Стремительный прорыв к Днепру, осуществленный танками фон Клейста через Первомайск и Кривой Рог, поставил под угрозу окружения советские войска, находившиеся к этому моменту на Правобережье, в треугольнике Смела — Синельниково — Помошная. <...> После падения Днепропетровска бессмысленность обороны на треугольнике стала очевидной; войска 6-й и 38-й армий стали отходить за Днепр. Этот отход, торопливый и плохо организованный, позволил, однако, избежать здесь той катастрофы, которая тремя неделями позже разразилась в двухстах километрах севернее, под Лубнами⁵⁰.

Подобные часто встречающиеся в романе «Тьма в полдень» географические штрихи воссоздают месторасположение вымышленного города Энска. Вчитываясь в текст тетралогии, читатель понимает, что как украинский город Энск расположен на правобережной Украине. От него или через него идет Днепропетровское шоссе, которое в романе становится символом связи со свободной от немцев Россией. Туда устремляются отступающие от Белой Церкви войска, и водитель появившейся ещё одной машины, высунув из кабины черное от пыли и копоти лицо, спрашивает Татьяну и Людмилу: «На Днепропетровск мы здесь выйдем?», а сидевший рядом лейтенант такой же грязный и пыльный крикнул девушкам: «За Днепром

⁴⁹ Там же. С. 449–454.

⁵⁰ Там же. С. 518–519.

встретимся!»⁵¹. Эти приметы становятся лейтмотивом романа. У Татьяны, потерявшей надежду на эвакуацию, ещё долго будет звучать в голове это «Счастливо, девушки, встретимся за Днепром!»⁵². И в несобственно-прямой речи повествователя рефреном звучат слова: «Машины шли к Днепропетровскому шоссе — на восток, за Днепр»⁵³. Подобные примеры, казалось бы, противоречат месту расположения Энска в «Перекрестке», где он соседствует с Микоян-Шахаром, Кавминводами, но условность художественного вымысла позволяет читателю этого не замечать, как и не замечать и некоторую «параллельность» в изображении центра украинского оккупированного города, где порой проскальзывают штрихи знакомые и ставропольцам: именно на главной улице Энска-Ставрополя теперь «размещались главные административные учреждения, солдатский клуб и офицерские казино, ресторан «Берлин», жилища высших чинов оккупационной и иерархии; здесь же, в бывшем особняке известного сахарозаводчика, устроил свою резиденцию гебитскомиссар доктор Кранц»⁵⁴. Не зря уже в заключительном романе тетралогии — в части первой, главе первой — встречается выражение «вопреки географической очевидности», и оно обретает расширительный смысл, а не только воплощает мироощущение Сергея Дежнева, которому представляется, что именно впереди, за немецкими позициями, ждет его Энск со всеми атрибутами ставропольского текста.

Прощанием Татьяны с Энском ставится точка в непосредственно-последовательном воссоздании жизни слепухинского города. Однако он продолжает жить в воспоминаниях героев и в эпизодах их свиданий с городом, запечатленных в заключительном романе тетралогии «Ничего кроме надежды». Сергею Дежневу удалось побывать в Энске лишь спустя две недели после освобождения города, когда полк был, наконец, отведен для отдыха и восполнения потерь (часть первая, глава седьмая). Николаев, татьянин Дядясаша, тоже вскоре приезжает в Энск и думает, что — как это ни странно — вид разрушений, такого вот неистового слепого разрушения плодов человеческого труда, дей-

⁵¹ Слепухин Ю. Тьма в полдень. С. 482.

⁵² Там же. С. 487.

⁵³ Там же. С. 487.

⁵⁴ Там же. С. 579.

ствует иной раз сильнее, чем вид трупов (часть первая, глава девятая). Поиски следов Татьяны у них успехом не увенчались; сама Татьяна, после всех выпавших на ее долю мытарств, возвращается в Энск в финале романа и тетралогии в целом (часть третья, глава одиннадцатая).

Разумеется, писатель, изучивший огромное количество исторических источников не мог не знать о героических сражениях за освобождение второго прототипа города Энска — Проскурова. Оно свершилось 25 марта 1944. О своих впечатлениях о боях за город рассказал в репортаже тогда военный корреспондент, английский писатель Джеймс Олридж. Войскам, участвовавшим, в освобождении Проскурова, приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность, и в Москве дан салют 12-ю артиллерийскими залпами из 124 орудий. В ознаменование одержанной победы соединения и части, отличившиеся в боях за освобождение города Проскурова, получили почетное наименование «Проскуровских». В историю Великой Отечественной войны вписана Проскуровско-Черновицкая операция, проведенная 4 марта–17 апреля 1944 в ходе освобождения Советской Армией Правобережной Украины. За отличие в боях при освобождении Проскурова почетные наименования «Проскуровские» были присвоены истребительному авиационному полку (сформированному еще в 1938) и тяжелому самоходному артиллерийскому полку, ведущему свое начало с 1917⁵⁵. Однако в тетралогии таких сведений нет. Как мы уже говорили выше, воссоздавая энский текст, писатель избегал особенно характерных примет городов-прототипов, создавая обобщенно-художественный образ.

Дальнейшее уточнение отдельных деталей украинской составляющей энского текста — дело будущего. Оно может стать увлекательной работой для следующих поколений, специалистов по литературному краеведению, в том числе и украинских, и будет способствовать популяризации творчества Юрия Слепухина, значит, и благотворному влиянию его произведений на читателей.

⁵⁵ Советская военная энциклопедия. М. Воениздат, 1978. Т. 6. С. 578–581.